

Артур Геден

ЛЕШИЙ

Дух огненных озер

Демон погубит твою душу...

Артур Геден
Леший. Дух огненных озер
Серия «Леший», книга 3
Серия «Черные лебеди.
Мистические триллеры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325146
Леший. Дух огненных озер / Артур Геден: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-252233-8

Аннотация

Беспощадный демон, владеющий землями от Волги до казахских степей, был почти повержен – две из трех его голов снесли рыцари небесной канцелярии. Детектив Андрей Крымов, его куратор Антон Антонович Долгополов и журналистка Кассандра Лопухина вступили в бой и взяли верх. Был уничтожен жестокий демон-оборотень Болгарык, за ним его брат – батька Кучерем. Остался третий – таинственный демон Хаар, не обладающий разрушительной силой старших братьев, но способный действовать иначе – подчинять себе душу человека. Чтобы совладать с ним, нужны совсем другие способности: необходимо оказаться еще более хитрым, коварным и беспощадным, иначе – пропадешь. А разбивающий сердца и

губящий души демон Хаар задумал против всех законов природы и воли Создателя продлить свой нечестивый род...

Мистический триллер с элементами фолк-хоррора и детектива. В новом романе Артура Гедона из цикла «Леший» переплетаются древние легенды, недавнее прошлое и современное расследование паранормальных явлений. Частный детектив и журналистка вступают в смертельную схватку с беспощадным демоном.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	25
Глава первая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Артур Геден Леший. Дух огненных озер

Серия «Черные лебеди. Мистические триллеры»

© Гедеон А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Зимним вечером художник Иннокентий Гордеевич Скворцов ехал на санях через весь Санкт-Петербург на Васильевский остров. Его пригласила хорошо известная ему по Италии аристократка – путешественница княгиня Аделаида Савойская. В России она бывала крайне редко и теперь воспользовалась случаем и вызвала его к себе.

Они познакомились в Италии, где он по заказу написал ее парадный портрет, назвав тот «Красавица в русских соболях». Портрет вышел хорош и так понравился заказчице, что их творческое знакомство нашло продолжение.

У княгини Аделаиды Савойской, женщины открытой лишь на первый взгляд, был свой интерес на далеких рубежах России – на волжской стороне, среди диких лесов и степей и не менее дикого народа. Жил там некий купец-миллионщик, с которым княгиню связывало давнее знакомство. Звали его Ануфрий Данилович Губин, он сколотил огромное состояние торговлей всякой всячиной, в том числе и «живой водой», которая била из таинственного подземного источника на его земле.

Этому Губину понадобился целый дворец посреди его степи, на окраине села, где он родился, за высоким забором, почти что крепостной стеной. За строительство взялся старший брат Иннокентия – Аристарх, архитектор, младший же

должен был сделать дворец чудом света в том, что касалось его внутреннего убранства.

А еще был второй заказ, куда более странный и сложный: под верхним дворцом построить подземный, еще более уникальный, и тоже превратить его в шедевр.

Деньги братьям Скворцовым пообещали огромные, и, конечно, они, два гения, молодые выпускники Академии художеств, немедленно взялись за дело. За три года двойной шедевр был создан – братья Скворцовы вернулись в северную столицу богатыми людьми и теперь сами могли на свой лад строить свою жизнь.

И вот – вызов к сиятельной княгине. Разумеется, живописец Иннокентий Скворцов поспешил к своей патронессе, тем более что она была восхитительно красивой женщиной, о которой мог мечтать любой мужчина. Впрочем, даже смотреть на нее и говорить с ней уже являлось наградой.

Это был час, когда старательные чиновники, засидевшиеся в кабинетах и присутственных местах, разъезжались по домам, а народ уже начинал гулять и кабаки широко открывали свои двери; час, когда северная столица вступала в ночную жизнь и тройки с бубенцами весело катили по Невскому, Литейному, Фонтанке...

Сани вынесли Скворцова на Васильевский. Проспекты, линии, мосты – и вот он, дом в стороне; двухэтажный, немецкий, с высокой крышей, стоящий тут еще с Петровских времен. Непривычная русскому глазу каменная горгулья, разме-

стившись над верхним окном на фасаде, следила за всеми, кто подъезжал к дому.

«Какая гадина, – подумал про себя художник. – И какой странный дом...»

Скворцов прибыл не с пустыми руками – его сани были завалены нужными для работы предметами. Он привез разборный мольберт, пару холстов, тройку палитр, папку с картоном и бумагой для эскизов, ящик с масляными красками, набором кистей, карандашами, углем, сангиной, пастелью и много чем еще необходимым для создания большого полотна. Потому что именно картину, парадный портрет заказала ему княгиня Савойская.

Но не обычный портрет, а групповой. Что не могло не озадачить художника, ведь кроме Аделаиды на полотне должны были появиться еще два пока неизвестных ему человека.

Кто они? Это он и должен был вскоре узнать...

Немного выюжило. Горгулья, хоть и была каменной, кажется, умела вертеть головой и отслеживать каждый шаг гостя. С какой стороны на нее ни посмотри, она все тарасилась только на тебя. Своего рода – скульптурный шедевр.

Иннокентий Скворцов поднялся по ступеням парадного. На дверях крепилась голова медного льва с молоточком на кольце в зубах, им-то гость и ударил три раза в круглый медный щит.

Дверь скоро открылась – на пороге стоял дворецкий княгини.

– Добрый вечер, – поклонился художник. – Я...

– Добрый вечер, Иннокентий Гордеевич, – в ответ радушно поклонился дворецкий. – Мы вас ждали! – Он отступил. – Княгиня ждала вас...

– У меня полные сани моего художественного добра, вы не поможете?..

– Конечно, Иннокентий Гордеевич, я все занесу. А вы проходите, будьте так любезны.

Дом был построен на европейский лад, с холлом и двумя лестницами, ведущими на второй этаж. Впрочем, именно Васильевский остров еще при Петре Первом облюбовали немцы, и тут когда-то построили немало чужеземных домов.

Не успел Скворцов войти, сбросить шубу, а по лестнице уже спускалась к нему радушная хозяйка в домашнем платье с открытой грудью, полной и высокой, от которой глаз было не оторвать. Когда-то он мог смотреть на всю эту роскошь сколько угодно, ведь она была его натурщицей, его «Музой в русских соболях», а теперь стеснялся...

– Здравствуйте, Иннокентий, дорогой мой! Как же я рада вас видеть! Мой итальянский русский друг! – Ее карие блестящие глаза, как всегда, лукаво смеялись. – Мой личный Рафаэль!

Он поцеловал протянутую ему руку, она привлекла его к себе и чмокнула в обе щеки. А как блестели ее карие персидские очи! Таких обольстительных живых глаз еще поискать...

– У нас без церемоний, дорогой Иннокентий, в моем доме все по-домашнему. Сейчас будем пить чай...

И вот они пили чай, болтали, как старые добрые друзья, каковыми, впрочем, и стали еще в Риме. Наконец дошло до дела.

– Написать портрет нужно будет скоро, обойдемся без вороха эскизов, и жить вы будете у меня. Да, все так. Для вас уже приготовлена отличная комната. А за вашими вещами, если вам что-то понадобится, я пошлю слугу.

– И как скоро надо будет написать полотно? – спросил он. – Это ведь три человека, три портрета?

– За неделю.

– Это очень скоро, – смутился гость.

– Я знаю. Но так надо. И вознаграждение вас обрадует.

– И кто будут еще двое моих натурщиков?

– Это мои дальние родственники, – сказала Аделаида. – Но оба мне очень дороги. И пробудут они у меня, как вы догадываетесь, ровно неделю. Они из русской глубинки, от столиц не в восторге, всего незнакомого чураются и сторонятся, но такие уж они у меня.

– Это мужчины?

– Да, – улыбнулась она. – Они из древних поволжских родов.

– Как их зовут?

Княгиня обворожительно улыбнулась:

– Кирилл и Мефодий.

Теперь улыбнулся Скворцов:

– Как наши учителя письменности?

– Именно так.

– Как это традиционно, по-русски.

– Еще как традиционно, – с пониманием кивнула Аделаида.

– Когда же мы приступим? – спросил художник.

– Сегодня ночью.

– Ночью?

– Да, я жду их к полуночи. Они любят спать днем, а ночью бодрствуют. Такие вот у них волчьи обычаи, – пошутила княгиня. – Ну ничего, вы привыкнете, и потом, это всего-то на неделю. Я едва уговорила их, чтобы память осталась. Понимаете меня?

– Конечно, ваша светлость.

– Ну что вы, Иннокентий, как неродной? Мы же с вами по именам друг друга знаем еще с Италии. Еще раз говорю: без церемоний. Да, забыла, эти мои родственники не больно разговорчивы. – Она чуть кокетливо поморщилась: – С распросами к ним не приставайте – еще пуще застесняются, а то разозлятся. Лучше все через меня – так будет и дипломатичнее, и безопаснее.

– Безопаснее для кого? – не понял он.

– Я пошутила, Иннокентий, всегда я что-нибудь не то скажу. А теперь вам дворецкий покажет вашу комнату. Ступайте, освоитесь пока, потом я вам покажу залу, где мы втроем

будем вам позировать. Как раз поставите мольберт. И будем ждать моих дорогих родственников.

Окна его комнаты, уютной и натопленной, выходили на улицу. Он уже успел освоиться, собрать и поставить мольберт в небольшой полутемной зале, выпил две чашки чая, разглядывая в глубине залы широкий кожаный диван, на котором и должны были восседать его натурщики.

– А как же освещение? – спросил Скворцов. – Сколько свечей понадобится нам?

– Ни одной, – ошарашила художника его старая знакомая. – Мы будем позировать вам в полумраке, ну а ваш холст, конечно, будет освещен хоть тысячей свечей, дорогой Иннокентий. Тут как скажете.

– Но как же я разгляжу лица моих натурщиков? – искреннее изумился живописец. – Зачем такие сложности, Аделаида?

– Знаете, если дать привыкнуть глазам к темноте, то человек начинает видеть в десятки раз лучше. Нам не нужна точная проработка портретов, скорее нужны образы главных героев вашего полотна. А мой портрет вы напишете и с закрытыми глазами, – весело пошутила она. – Не так ли?

– Я, конечно, попробую, но это очень необычно.

– Как необычны и те люди, что будут позировать вам, – сказала она уже куда более прохладным тоном. – Я же говорю вам – придется потерпеть всего неделю. А мне ли не знать, как в легких эскизах вы умеете схватывать образ любого че-

ловека. Вы – мастер, Иннокентий Гордеевич, большой мастер! Я уверена: у вас все получится.

Он стоял у окна своей комнаты и ждал, когда же к парадному подъедут сани с поздними гостями. Но едва пробило полночь, как в его дверь постучали.

– Войдите, – обернул он.

Дверь открылась, на пороге стояла Аделаида. Она была в черном платье с высоким воротником под самый подбородок.

– Вас ждут, господин художник.

– Кто?

– Мои гости, кто же еще.

– Но когда они успели приехать? Я не отходил от окна...

В полумраке она улыбнулась, но, как показалось Скворцову, эта улыбка уже не была такой добродушной и приветливой, а скорее выдавала только вынужденное терпение.

– Так это будет ваш наряд? – зачем-то спросил он.

– Да, идемте.

Вскоре он зашел за ней в ту самую залу. Вокруг его мольберта и впрямь горело море свечей. Холст был освещен лучше не придумаешь. Но взгляд его так и тянулся к дивану у дальней стены. По разные стороны на нем сидели двое мужчин. Один высокий и худой, как жердь, в рясе и расстегнутом тулупе, с длинной черной бородой и черными волосами до плеч. Второй – огромный, широкий в кости, в черной косоворотке, похожий на быка и лицом, и мощью. Художник

присмотрелся к его облику – только рогов тому и не хватало. «Ну и персонажи! – подумал он. – Может, оно и к лучшему, что она скрывает их от мира. Такую родню покажешь – с тобой здороваться перестанут».

– Ну, здравствуй, художник, – сказал высокий и тощий, с длинной бородой, похожий то ли на монаха, то ли на старообрядца. – Здравствуй, мил человек.

– Здоров, Скворцов, – развязно шутканул второй, похожий на быка.

«Говорят, уже хорошо, – подумал Скворцов. – И на том спасибо».

И поклонился своим натурщикам:

– Здравствуйте, господа.

– Ну что, начнем? – спросила Аделаида.

– Садись, голубка наша, – похлопал здоровенный детина-бык по дивану между собой и тощим бородачом в тулупе. – С тобой теплее будет.

Аделаида села между ними и гордо подняла голову.

«Вот ужас-то! – вновь подумал Скворцов. – Кому расскажешь – не поверят! Аделаида Савойская и ее родственники из русской глубинки. Из “древних волжских родов”! Конфуз!»

– Начнем, – смело и собранно кивнул живописец-академист.

Да, человеческий глаз легко привыкает к темноте. И все-таки приходилось шуриться, немного обходить ярко горев-

шие свечи, чтобы они не мешали, не отвлекали глаз, не заставляли сужаться зрачок, и тогда портреты двух мрачных родственников хозяйки дома проявлялись куда яснее. В первую ночь он создал композиционный рисунок карандашом, прорисовав все три фигуры и наметив их лица.

С первыми признаками рассвета сеанс закончился, и они разошлись как ни в чем не бывало. Трапезничал Скворцов у себя в комнате, как видно, родня не хотела присутствия чужака за столом.

«Ну и ладно, – подумал он. – Всего-то неделя, я справлюсь».

После завтрака он проспал почти до ужина, вместо того съел обед, и с наступлением темноты его сразу же позвали работать. На второй день он уже точно прорисовал карандашом портреты двух престранных мужчин, насколько ему позволяло освещение.

Недостаточное количество света заставило интуитивно прощупывать их психологический портрет, и это немного насторожило художника. Он как будто пытался вдеть в угольное ушко нитку, и та все время проходила мимо. Это разозлило Скворцова. Нужно было собраться и сделать дело!

На третий день, взявшись за палитру, Скворцов со всей силой души, ума и профессионального опыта это дело совершил – нить прошла сквозь игольное ушко! Но это напугало художника. Он стал видеть их образы, и вот они-то и вызвали в нем недоумение и легкий ужас.

Перед ним были и люди – и не совсем люди. Как будто за их человекоподобной внешностью пряталось что-то другое. Иная природа! Речь шла только о двух родственниках Аделаиды Савойской; образ ее самой, такой знакомый, узнанный им еще в Риме, оставался прежним. Разве что в этой компании дохнуло от нее непривычным холодом и высокомерием. Но вот ее мрачные родственники превращались из обычных угрюмых людей в неведомых существ.

– С вами все хорошо, Иннокентий? – на исходе третьего дня, под утро, спросила хозяйка дома.

– Пожалуй, что нет, – уклончиво ответил он. – У меня от ночных бдений и недостатка света разболелась голова. Очень непривычно работать в таких условиях и в такое время.

– Потерпите, голубчик, вам осталось улечься еще в четыре дня.

– Я помню, княгиня, я помню.

В тот день он увидел страшный сон, из которого попытался вырваться, но чем больше прикладывал к тому усилий, тем сильнее и крепче держал его морок в своих цепких лапах.

Он открыл глаза и увидел свою комнату, а в ней себя, укрытого одеялом. Но он не проснулся – он все еще спал! Что-то в этой комнате было не так. Ужас сковал его. В комнате таилась опасность! Скворцов понял, что он тут не один.

Он повернул голову и увидел сидящего на стуле рядом с его кроватью высокого и худого бородача, которого рисовал

только что. Тот сидел и молчком, с хитрецей в глазах, следил за ним. Он был похож на татя, что пришел за тобой в урочный час. Иннокентий попытался закричать, но крика не было. Не было голоса! У него словно вырвали язык!

«Тихо, тихо, – бородач приложил указательный палец к губам. – Ты чего, Кеша, так разбушевался? Матушку нашу еще разбудишь. А она почивает. Нехорошо. Ты лежи, Кеша, лежи и меня слушай. Это матушка так решила: рисовать нас. В подарок самому главному. Хозяину нашему. Картину. Чувешь? Каприз такой. А матушке мы отказать никак не можем – любим ее, золотую, брильянтовую. – Тощий бородач потянулся к кровати и уже иным тоном спросил: – Так вот понять хочу, что же ты видишь своим глазом-то, а? Художника? Геня? Каким видишь меня, батьку Кучерёма, царя степей?»

Скворцов хотел было крикнуть: «Чертом тебя вижу! Чертом!» – но и духу не хватило, и нем он был как рыба. «И братца моего, Болгарыка, каким видишь?» – с угрозой продолжал тощий бородач в рясе. – «И братца твоего чертом вижу! – кричал всем сердцем и умом, всей душой художник. – Только еще страшнее!» Но только ртом хватал воздух, не более того. «Стало быть, черти мы? – вдруг все понял бородач. – А-я-яй! А знаешь, Кеша, ты ведь прав – чутье у тебя как у зверушки лесной, пугливой. Адские мы, ой, адские! – Он покачал головой. – Этак ты с чутьем своим беду себе накличешь. Скромнее надо быть, Кеша. А теперь закрой глаза и не смотри, что будет. Не смотри, Кеша, для твоего здоро-

вья говорю!» — вновь погрозил пальцем тощий высоченный бородач в рясе и тулупе и встал со стула.

Но послушался его Скворцов. Смотрел — во все глаза смотрел! Бородач подошел к стене, вскинул голову, поднял руки и сжал кулаки так, как будто проклинал сами небеса, а затем стал рассыпаться прямо в эфире, обратился в смерч, вихрь и ушел через стену.

Скворцов вырвался из сна в холодном поту и долго слушал тишину. Громко тикали часы. Близился вечер. В доме отдаленно бубнили голоса. Первым желанием было отказаться от работы и уехать немедленно. Попросту бежать! Но он понял, что этому не бывать, и его просто так не отпустят. Надо было дописать портрет — и вот уже тогда, может быть...

Четвертый день перед мольбертом оказался еще страшнее. Он уже не пытался сердцем и разумом вникать в суть своих натурщиков. Напротив, хотел избежать этого. Но суть их лезла наружу. И какая-то сила будто бы сама водила его кистью по полотну.

Лица двух натурщиков, сохраняя человеческие черты, стали превращаться в морды. А еще он перехватил взгляд тощего бородача в тулупе, и хоть тот и прятался от художника в густой тени комнаты, но хитрый и злой взгляд его как будто говорил: «Я же просил тебя, Кеша, не смотреть! Ослушался ты меня, подлец! И теперь тайну мою знаешь...»

Днем Скворцов не спал — не выходил из комнаты, превращенной в мастерскую. Сказал, что ему нужно что-то дора-

ботать. Он ничего не ел, пил только воду. Но подремать в кресле ему пришлось, иначе бы он свалился с ног. Полотно он снял с мольберта и предварительно перенес и отвернул к стене.

– Вы словно тень, Иннокентий, вам бы отдохнуть, – подозрительно ласковым тоном сказала ему Аделаида.

На пятый день все встало на свои места. Здоровяк превращался в быка с налитыми кровью глазами, в получеловека-полужверя, а тощий бородач – в покойника, у которого через мертвую плоть проступали желтые кости. Оба были страшны, и только Аделаида сияла на их фоне человеческим обликом, но ледяным, как будто лишенным сердца и души, бравшая своей ослепительной внешностью, и только.

На шестой день Иннокентий Скворцов нашел возможность сбежать из этого дома. Он поймал пролетку и помчался к брату Аристарху, жившему на Мойке в собственном особняке. Он выложил ему все начистоту: «Их Аделаида не та, за кого выдавала себя все это время. А ее родня – исчадия ада!» И рассказал все, что видел и слышал и что понял.

«Да ты не болен ли? – заботливо спросил его старший брат. – В зеркале сам себя видел, Иннокентий? На тебя же смотреть страшно. У тебя же глаза душевнобольного, и говоришь ты какую-то чепуху...»

Он вышел от Аристарха непонятым, но страшнее было то, что случилось шагов через сто. У занесенной снегом мостовой стояли широкие сани, а рядом с ними – Аделаида в бе-

лой собольей шубе до пят и высокой белой шапке.

— Мы вас искали, Иннокентий Гордеевич, — сказала она. — И беспокоились за вас. Поедьте домой, прошу вас, — и указала рукой на сани. Скворцов хотел было бежать, но когда обернулся, то наткнулся на огромного мордатого городского в шинели и при сабле.

— Барин, — молвил тот, — сделайте как барыня просит, будьте так любезны. На вас же лица нет, еще под копыта тройки какой попадете. Вон как летают! Аки черти! Сделайте, как барыня говорит...

Скворцов вдруг понял, что пойман. С ним разговаривали как с малым непослушным дитем, как с душевнобольным. Художник почувствовал, что силы оставляют его и сбежать ему не удастся. И обреченно побрел к саням. Скоро его привезли в немецкий дом на Васильевском. Кажется, в этот раз горгулья над окном смеялась над ним. Он проспал до самой ночи, а встав, твердо решил в этот день закончить портрет.

Когда он встал у мольберта, то услышал приглушенный голос человека-быка: «Беглец вернулся! Хо-хо! Смешной человечек!» Они уже не скрывали своего отношения к нему.

Морды на полотне ужаснули его — накануне он прорвался сквозь завесу тьмы и увидел все как есть. И теперь он дописывал портрет, поддавшись вдохновению гения, ничего не утаивая, ничего не страшась. Близился рассвет, и к тому времени шедевр был окончен — рога вылезли из обеих голов. Тройка встала с дивана, медленно подошла к нему и обсту-

пила его, как тати обступают того, кого сейчас решили огр-
бить и зарезать.

Иннокентий Скворцов трепетал, ожидая удара ножом в
бок или петли на шею.

– А-я-яй, матушка, погубила ты его, – сказал за его спиной
худой бородач. – Не могла кого поскромнее найти? Страш-
ная картинка вышла...

– Хороша картинка, – молвил, горячо дыша в спину ху-
дожника, человек-бык. – Хозяину понравится. Копыто даю
на отсечение! – и заржал так, что все сжалось внутри худож-
ника, и покачнуло его как на сильном ветру. – Гляди, еле
стоит гений!

А быку на шутку с копытом уже вторил смехом тощий
мертвец с бородой, в рясе и тулупе, способный проходить
вихрем через стены. И только Аделаида молчала. Но ее мол-
чание и было самым страшным, что могло случиться в эти
мгновения.

– Вы меня убьете? – не оборачиваясь, спросил Скворцов.
Но они его и не слышали.

– А братцу-то своему он все выложил, – сказал чело-
век-бык. – Я к дому ухо приложил и услышал! Говорит: чер-
ти они!

– Я к его братцу девочек пошлю, – вдруг сказала Адела-
ида.

– Брата не трожьте, – пробормотал Скворцов. – Он тут ни
при чем.

– Не учи ученых и стой как стоишь, – предостерег его человек-бык.

– Так убьете меня? – спросил Скворцов.

– Не убьем, – ответил бородач ему на ухо. – Покалечим.

– Как это? – затрепетал художник.

– Прости, мой Рафаэль, – сказала Аделаида. – Делайте свое дело, Кучерём.

Только и успел Скворцов, что обернуться. И тогда тот, кого называли Кучерёмом, схватил в свои клешни голову художника и, глядя глаза в глаза, сдавил ее так, что она захрустела как скорлупа, и огненным льдом прошло мозг Скворцова, выжигая все, что там было – мысли, чувства, память...

Утром следующего дня художник-академист Аристарх Гордеевич Скворцов, обеспокоенный за брата, решил совершить визит к очень важному чиновнику Министерства внутренних дел и рассказать ему все то, что слышал накануне от Иннокентия. О странных делах, которые творятся на Васильевском в том самом немецком доме с горгульей, где иногда останавливается княгиня Савойская.

Аристарх переходил Невский проспект, когда увидел в окне экипажа двух юных красоток-близняшек – именно это его и поразило, их абсолютная схожесть, к тому же обе были так хороши, так свежи и прелестны, что, пленив взгляд художника, буквально просились на полотно. Одна послала ему воздушный поцелуй и приложила пальчик к алым губам, а вторая чмокнула ладонь в перчатке, сдунула свой поцелуй в

его сторону и тоже приложила пальчик к своим губам, и потом обе задорно засмеялись. В эти мгновения время как будто остановилось для Аристарха Скворцова. Не каждый день увидишь таких ангелочков, и он послал в ответ им воздушный поцелуй, а когда оглянулся, то увидел страшное: прямо на него летела черная карета, запряженная четверкой гнедых лошадей. Отступить он не успел – попал под копыта первой пары, сбившей его, затем под копыта второй, смявшей, а потом уже и под колеса экипажа, изломавшего и убившего его. Весь Невский затаил в ужасе дыхание, а потом женские крики резанули главную петербургскую улицу. Экипажа с красотками-близняшками уже не было рядом и в помине.

На следующей день в «Петербургских новостях» вышла статья о страшной трагедии, постигшей семью знаменитых академистов художников Скворцовых. Старший брат Аристарх Гордеевич погиб под колесами неизвестной кареты, а младшего обнаружили бредущим в исподнем по заснеженному Петербургу и тотчас доставили в полицейский участок, а оттуда в желтый дом.

На следующий день в тех же «Ведомостях» вышла небольшая заметка, что известная путешественница княгиня Аделаида Савойская вновь отправилась в свое очередное многолетнее странствие по миру.

Часть первая

Зовущая песня красоты

Глава первая

В хвосте пылающей кометы

1

Моросящий питерский дождь упрямо смывал яркие краски дня. За рябым от капель стеклом мир казался зыбким и хрупким, его очертания – бесконечно родными. Из окна скромной библиотеки, затерявшейся на Васильевском острове, за крышами домов обрывками проглядывал свинцовый Финский залив. Простор и воля, надежда! Сердце томительно сжималось от вида этой перспективы. Залив как будто звал в другую жизнь, к приключениям и поступкам, особенно в такую ненастную погоду. Только выйди под крепким парусом, поймай своенравный ветер, встань у штурвала в брезентовом дождевике – и плыви куда глаза глядят, беги от опостылевшей унылой жизни...

Навалившись худым телом на подоконник, двадцатилет-

ний гуманитарий Юрий Пастушков отхлебывал из крышки термоса остывающий чай и горестно вздыхал.

«На свете счастья нет...» Увы, классик был прав!

После трапезы молодой человек уже который день возвращался за обшарпанный стол, заваленный книгами. Перед глазами на убогой стене висел огромный календарь с фотографией заснеженного Павловска. Изысканный императорский дворец, замерзшие озера, леса, тропинки. Если не считать Финского залива за окном – единственное яркое пятно в этом душном загоне. Год на календаре значился «1978-й», «3 сентября» было последней датой, обведенной жирным красным фломастером.

Ближайшие перспективы сулили одно расстройство.

Будущий библиотекарь Юрий Вениаминович Пастушков, студент Ленинградского государственного института культуры, поприще свое не любил, учился кое-как и потому на практику попал разбирать архивы в одну старую дыру на Васильевском острове, где директрисой служила давняя знакомая его бабушки. Едва Юрий отыскал здание этой библиотеки, расположившейся в старом немецком доме с каменной горгульей над окном второго этажа, как тоскливо заскулило его сердце. А когда он переступил порог заштатной библиотеки и вдохнул полной грудью ее вековые ароматы, жить ему совсем расхотелось. Конечно, три года назад он мог бы подать документы и в другое высшее учебное заведение, но, во-первых, ему категорически не хватало в жизни инициати-

вы и он понятия не имел, куда деваться после десятого класса, а во-вторых, его матушка и бабушка были заслуженными библиотекарями страны советов. Его просто приговорили к этой профессии. К тому же Юрий Пастушков даже внешне походил на библиотекаря: худой, бледный, застенчивый. Часто хворавший. Перечитавший сотни книг! И немного страшившийся реальной жизни, где так много штормов и бурь. Родившись таким героем, только и сиди за книгами, глотай пыль, слепни день ото дня и жди заслуженной пенсии.

Одним словом – беда, беда! «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – так писал классик русской литературы. И вот теперь в «дальней обители трудов и чистых нег» несчастный Юрий старательно дышал вековой пылью. Но чаще подходил к окну и, упираясь локтями в широкий подоконник, смотрел в сторону Финского залива на морозящий дождь. Студент Пастушков медленно жевал скучные бутерброды, запивал их сладким чаем из термоса и проклинал свою непутевую жизнь.

Так было до того самого момента, пока среди хлама он не отыскал ту самую старинную рукопись с ятями...

Поначалу в небольшом складском помещении в тонне бумажного барахла, который Юрию Пастушкову очень хотелось сжечь, но предстояло разобрать и составить каталоги, он обнаружил старую-престарую кожаную папку. Юрий вынес ее на свет божий и положил находку на подоконник, предварительно отодвинув остатки еды. Любопытство уже

загорелось в его сердце! Все-таки из него пытались смастерить библиотекаря, и живой профессиональный интерес будоражил воображение не самого трудолюбивого студента.

Это была довольно толстая папка-портфель с полуистлевшими ремешками под верхним крылом для пущей надежности и потускневшей медной застежкой. Под застежкой на самой папке с трудом читались выдавленные строки. Когда-то эта надпись, несомненно, была золотой, в углах иных букв еще тлели крупницы почти угасшей позолоты, но теперь текст можно было разобрать только по рельефному рисунку. Пастушков повертел папку, нашел тот угол света, под которым продавленный текст читался более или менее приемлемо, и взялся за расшифровку.

Минут через пять он уже знал эти пять строк:

«В подарок милому Аполлону Аполлоновичу Светозарову, статскому советнику, от Анны Павловны Шлецер к тридцатипятилетнему юбилею.

Будьте и впредь преданным другом и ярким светочем нашей жизни!

Санкт-Петербург, 1845 год».

Прочитав текст, молодой библиотекарь предусмотрительно записал его на листе бумаги. Теперь нужно было узнать о содержимом папки.

Юрий Пастушков долго боролся с застежкой, пока та не поддалась и не открылась. В этот день старая директриса приболела, и он мог не опасаться, что ему помешают.

Итак, он открыл папку – и, к счастью, она не развалилась. В старой папке таились аккуратно сложенные листы, перехваченные широкой лентой, штук этак сто, не менее. Юрий аккуратно вытащил их, пожелтевшие, сразу отметив, что текст написан от руки широким каллиграфическим почерком. Было видно: писал уверенный в себе опытный чиновник, а возможно, и беллетрист. Чернила уже наполовину выцвели, притягательно и солидно читались дореволюционные яти. Находке было как минимум лет сто пятьдесят!

Особенно если присмотреться и прочесть строки в заглавии:

«Мое удивительное путешествие в страну дикости и варварства, магии и плотских удовольствий, в страну, веками живущую, как бы ярко там ни светило солнце, на темной стороне луны. А. А. Светозаров, дворянин, статский советник в отставке. Санкт-Петербург, 1853 год».

– Что ж, – сняв ленту, с энтузиазмом пробормотал Юрий Пастушков. – Интересненько. Вот и развлечение на весь день. Главное, чтобы ведьма не прилетела.

Он поставил у окна стул, налил из термоса сладкий чай и взялся читать...

«Род наш Светозаровых был древен, но беден. К счастью, мой прапрадед Аполлон Светозаров, в честь которого называли меня, был приближен лично императором Петром Алексеевичем за военные заслуги. Мой предок отличился во время Северной войны, захватив шведский штандарт вместе со

знаменосцем. Прадед служил у барона Александра Корфа, дед у Александра Суворова, отец у Михаила Кутузова, и только я в этом роду бесстрашных офицеров оказался белой вороной, выбрав мирное поприще. На том настояла моя таинственная влиятельная тетушка, добившись моего поступления в Царскосельский лицей, за что я ей бесконечно благодарен. Потому что мой прапрадед погиб под Полтавой, прадед сложил голову в Семилетнюю войну, деду оторвало руку при взятии Измаила, а отцу перебило ноги под Аустерлицем. Увы, такова судьба тех, кто решил посвятить свою жизнь богу Марсу и вечно воюющему отечеству.

Окончив с отличием Царскосельский лицей, я усердно выбирал то поприще, которое больше всего бы соответствовало движению моей души. Но более всего меня тянуло к путешествиям, а жизнь чиновника никак не давала мне обещаний, что я смогу воплотить свои мечты, ведь именно ежедневная работа за канцелярским столом и была моей грядущей перспективой. Но к этим здравым рассуждениям я только еще должен был прийти. И все же один сумасшедший поступок в свои восемнадцать я совершить успел: купил рыбацкую шаланду, запасаюсь оружием и продовольствием и вышел в открытое море, вернее, в воды Финского залива. Поймал ветер и направил корабль, который называл «Друг Борей», в сторону Балтики. Только налетевший на вторые сутки шторм, недостаточное умение управлять лодкой и угроза расстаться с жизнью заставили меня вернуться назад. Но

первый шаг я сделал...»

Юрий Пастушков прервал чтение: как будто про него писал этот самый Аполлон Светозаров, как будто зацепил движения его души, уловил биение его сердца! И бывает ведь такое!

Он с энтузиазмом отхлебнул еще чаю и продолжил читать: «Как известно, выпускники Лицея получали превосходство на одну табель о рангах перед другими высшими учебными заведениями Российской империи, и я поступил на службу в качестве сенатского регистратора, но уже скоро по ходатайству начальства и под влиянием моей великолепной тетушки был переведен в губернские, а затем и в коллежские секретари. Меня заметили, да и тетушка, душа моя, помогла. В 1835 году меня как умелого во всем служащего взяли на должность секретаря в Гофинтендантскую контору к графу Павлу Ивановичу Кутайсову. Контора занималась учетом всех имуществ, принадлежащих первому семейству Российской империи, то есть их императорским величествам, и всеми работами и службами, связанными с этими имуществами. Так я оказался в эпицентре государственных событий.

Но в глубине души мне хотелось иного – путешествий, действия и, конечно, безумной любви! Как оказалось, горизонт моих сокровенных желаний сам уже неумолимо приближался ко мне.

Я хорошо помню ту зловещую ночь 29 декабря 1837 года...»

Гофинтендантская контора, где служил двадцатипятилетний Аполлон Светозаров, располагалась в бывшей городской усадьбе царевны Натальи Алексеевны на Захарьевской улице и принадлежала Главному дворцовому управлению.

В девять вечера, отерев перья и сложив бумаги, закрыв ключом ящик стола и всем откланявшись, Аполлон Светозаров покинул место службы. В эти дни навалилась отчетность: глаза слепли, и рука уставала царапать пером! На улице молодой чиновник с упоением вдохнул морозный воздух и покрепче запахнул лисий воротник зимней шинели. С упоением думая о сытном ужине, что сейчас подаст ему слуга, о хрустальном графине с рябиновой, Аполлон жадно облизнулся, поймал извозчика и поехал в санях домой.

Жил он в большой съемной квартире на Фонтанке. Выпив за ужином сладкой рябиновой настойки, умиротворенно лег на диван, решив, что почитает новый французский роман, но усталость, с которой он приезжал в эти дни домой, быстро сморила его. Слуга Прохор едва ли не на себе перенес барина, уложил в кровать и заботливо укрыл одеялом. И тут уже, на перинах, Светозаров быстро провалился в глубокий сон.

Тем сложнее было выходить из него – ему казалось, что его силой тащат из уютного гнезда, да еще рвут на нем одежду и безжалостно царапают и бранят.

– Барин, барин! Да проснитесь же! – ревели у него над ухом. – Аполлон Аполлонович! – его трясли за плечо. – Христа ради проснитесь!

Светозаров наконец открыл глаза. Над ним с канделябром на три свечи в дрожащей руке стоял Прохор. Три огня метались по его всполошенному и даже испуганному лицу. И дышал он так, будто вот-вот запоем, как закипающий самовар, а то и взорвется.

Молодой чиновник насилу разлепил губы:

– Если не пожар – убью.

– То-то и оно, что пожар! Еще какой пожар!

– Горим? – Аполлон быстро сел. – Мы горим?!

– Да не мы горим! Все говорят: царский дворец горит! Зимний! Туда сейчас весь Петербург летит сломя голову!

– Что за бред? Как может царский дворец гореть? Говорю же – убью!

– А вот так и горит! В окно посмотрите – сани да тройки, и все туда! А ведь ночь на дворе!

Светозаров сбросил ноги с кровати и в ночной рубашке да босиком подскочил к окну. Для середины ночи движение на улице и впрямь было дикое. Будто французы или какие иные враги уже на подходе и надо как можно скорее бежать из города. Да только времена были другие, и война не шла, и не в Москве они жили, и французы числились в союзниках, а вот смятение на улице происходило сродни светопреставлению.

– Одеваться мне! – бросил он слуге.

– Может, мне с вами, Аполлон Аполлонович?

– Дом стереги, олух! Не ровен час, в такую ночь тати по домам полезут!

– Пистолеты вашего батюшки заряжу, – неся хозяину кафтан, пообещал Прохор.

– И то дело, – одобрил барин. – Будь начеку!

На улице Светозаров поймал извозчика и крикнул ему:

– Куда все, туда и мы!

– Да кто бы сомневался, барин! – отозвался мужик в крепком тулупе и шапке. Хлыст его взвился над головой пассажира и с твердым секущим щелчком разрезал морозный воздух: – Но, залетная! – весело рявкнул он. – Полетели, голубка!

«Неужели Зимний, неужели царский дворец? – лихорадочно думал по дороге Аполлон Светозаров. – Но как такое может быть? Там же сотни слуг! Множество солдат охраны! Лакеи, рабочие, гвардейцы! Подберись еще, чтобы поджечь! Не понимаю, не понимаю!»

А Петербург штормило! Сани, конники, дворяне и купцы, гвардейцы и обыватели, мужики и бабы – все спешили в сторону Дворцовой площади. Но с любой точки столицы уже было видно черный дым с седыми прядями, гигантским неровным столбом устремленный в ночное северное небо. И сразу становилось ясно – не простая усадебка это горит! Словно целый жилой квартал пылает в центре Петербурга!

И чем ближе подъезжали они, тем страшнее становилась

картина, потому что пылающее зарево разрасталось под клубами черного дыма, – точно адская печь горела там.

Петербуржцы выбирались из саней и толпой устремлялись к краю площади – дальше стояло оцепление из солдат. И сотни других солдат и прислуги, рискуя жизнью, что-то выносили из полыхающего дворца. Ценное барахло уже горами поднималось на снегу на безопасном расстоянии от огня.

– Чтоб мои глаза ослепли! – встав на облучке, громко крикнул извозчик. – Тут без нечистой не обошлось, барин!

– Это верно, – согласился Светозаров, едва ли веря тому, что открывалось перед ним. – Господи, помилуй, и впрямь Зимний горит...

Но ведь было, было – буквально ад разверзся впереди! Гигантская Дворцовая площадь превратилась в один погребальный костер. И сгорал на нем оплот и символ Российской империи. Аполлон поспешно выбрался из саней и двинулся к краю толпы.

– Вас подождать, барин?

– Жди, конечно!

– Сколько ждать, барин?

– Сколько надо будет – оплачу!

– Тогда все чин чинарем, жду!

Светозаров пробирался сквозь толпу, иногда протискивался, извинялся, пока не вынырнул в первом ряду. Огромный дворец пылал на глазах у всего Петербурга, и было ясно,

что он сгорит целиком. Снег от зловещего пожараща окра-
сился в ярко-кровавый цвет и сам искрился и полыхал ог-
ненными отблесками. Был виден высоченный человек в ши-
нели, метавшийся и отдававший приказы. «Император, им-
ператор!» – неслось по толпе. Да, сам Николай Первый, как
его ни рвались увести от огня, пытался руководить спасени-
ем родного дома в сердце столицы. Не верил царь-импера-
тор, что такое могло случиться, но что тут скажешь – как
будто сам Господь послал в сердце империи молнию. Бранд-
мейстеры, закрываясь от огня, в этом жару и чаду поливали
стены Эрмитажа, который был построен стена к стене с Зим-
ним. Гибель царского дворца – великая беда. Но если погиб-
нет Эрмитаж с десятками тысяч художественных шедевров –
эту катастрофу небеса не простят ни государю российскому,
ни его подданным. Оттого и старались пожарные – поливая
и тем отбивая огонь от бесценного музея.

«Но кто и как мог допустить такое? – думал Светозаров. –
На виду у сотен императорских слуг!» А еще Аполлон думал
о том, что Зимний дворец – главное здание, за которое отве-
чает его Гофинтендантская контора, и теперь полетят голо-
вы, а возможно, и зазвенят кандалы, смотря, как и чем окон-
чится следствие, а в том, что оно будет, Аполлон Светозаров
не сомневался. Как и в том, что уже завтра он узнает, что
все они, чиновники конторы, под следствием и ждут своей
незавидной судьбы. И тут уже придется побороться за свою
правоту. Но кто прав и кто виноват?

Он простоял так часа два, глядя на огонь, на который можно смотреть вечность, потому что он и есть суть космоса и рожденной, как говорили иные древние, в этом пламени земли. А когда в таком огне сгорает самое богатое здание Европы и уносит жизни людей, то страх и торжественность момента становятся еще поразительнее. И представляешь всю свою ничтожность на этой планете.

Так думал образованный и удрученный страшным зрелищем чиновник Аполлон Светозаров.

И отвлекло его только одно, когда он повернул голову влево. И как отвлекло – дух захватило! Молодой чиновник увидел *ее* – эту даму в роскошной белой собольей шубе до пят, с широкими, как крылья, рукавами, и высокой белой шапке... Она стояла в тесном окружении свиты и смотрела на полыхавший дворец... Брови вразлет, продолговатые темно-карие персидские глаза, резко очерченный пухлый рот. Но что внушало особый трепет – это ее осанка. Воистину королевская, царская, императорская! Перед такими женщинами мужчины цепенеют, слова порой сказать не могут! И сразу ясно – такие дамы просто так не встречаются на жизненных стезях. Их не увидишь запросто на каком-то балу, на светском рауте, не заговоришь с ними о пустяках, да просто не заговоришь, тебя к ним не подпустят, они живут где-то сами по себе, в каких-то горных заоблачных дворцах, и круг их знакомых – избранный; и все мужчины вокруг них – это лишь их слуги; и если такие богини оказываются здесь, ря-

дом с тобой, то именно так они просто спускаются с небес посмотреть, как тут себе живут-поживают простые смертные. Такие, как он, Аполлон Светозаров. О чем думают, чего желают, к чему стремятся? Они просто приходят посмотреть, как сгорают царские дворцы! Конечно, вот она – причина!

Но что было с ее лицом: незнакомка как будто торжествовала! Победоносным восторгом и восхищением горели ее темные глаза.

Увидев то, что не должен был увидеть, Светозаров быстро отвернулся. Он словно приоткрыл тайную дверь, он не должен был заметить этого взгляда!

Он стоял и смотрел на полыхающий дворец и скоро почувствовал, что за ним наблюдают; он так ясно ощутил это присутствие рядом, что колкий мороз пробежал по его спине. Светозаров вновь повернул голову влево. Да, теперь она тоже смотрела на него! О, эти брови и эти глаза, и этот манящий рот! Он мог бы поклясться, что она смотрела на него с таким же интересом, как недавно он – на нее. Но почему? Чем он оказался так ей интересен?

Поддавшись импульсу, порыву, просто чувству почтения красоты и совершенства, Аполлон самым учтивым образом поклонился даме в белом. И она неожиданно ответила ему улыбкой. Но какой! Такие улыбки дарят царицы своим поданным, и ничего нет прекраснее, радостнее и дороже такого подарка. И как блестели в эти мгновения ее глаза! Никакие бриллианты не сравнятся с ними! Храня в сердце такие

улыбки и взгляды возлюбленных дам, крестonosцы отправлялись за Гробом Господним на верную смерть!

Дав таким образом понять Аполлону Светозарову, что он тоже замечен, дама еще раз кинула торжествующий взгляд на горящий дворец, повернулась и в окружении слуг в длинных черных полушубках двинулась через толпу назад.

Кто она была? Откуда? Из какой царственной жизни залетела сюда? Вот бы узнать...

Еще через час-полтора его тронули за плечо – он оглянулся: это был его извозчик.

– Ну что, барин, околел я там уже. Пошел тебя искать. Может, назад поедem, а? Или тут хочешь остаться?

Да, пора и ему было возвращаться назад. Тем более что уходила ночь и Зимний дворец и впрямь догорал, оставляя черный остов в середине столицы и темное от дыма небо над спящим Санкт-Петербургом. Эрмитаж, к счастью, удалось спасти. Еще дорога домой, пара часов сна, а потом, о ужас, пора на службу, где его, как и других, ждет еще один небольшой и судьбоносный ад.

– А дворец – что дворец? – риторически рассуждал извозчик. – Он и без нас догорит. Ну как полыхал, а? Нет, без нечистой тут точно не обошлось. Так что, едем? Ты мне еще денежку должен, и за простой в том числе.

– Ты прав, голубчик, – кивнул Аполлон. – Едем.

Все так и случилось. Светозаров вернулся на Фонтанку, бросил Прохору: «Беда, мой друг, беда!» – «Что ж теперь бу-

дет, Аполлон Аполлонович?» – спросил Прохор. «А что теперь будет? – легко ответил вопросом на вопрос барин. – Теперь нас всех повесят, и тебя тоже». – «А меня-то за что?» – едва не заплакал Прохор. «За то что слугой был моим верным, – ответил Светозаров, – теперь всех наших слуг вместе с нами перевешают». Так и плюхнулся Прохор на стул. Запугавший его Аполлон допил рябиновую, закусил холодной телятиной с хреном и в спальне повалился в кровать. Едва сил хватило сбросить одежду. Спал он недолго и мучительно, потому что видел во сне все то же пожарище.

Проснулся Аполлон в угнетенном состоянии, обреченно выпил свой утренний кофе, без завтрака, нынче кусок в горло не лез, и поехал на службу как на казнь.

Да, было кое-что еще! Там, во сне. Он увидел ее – эту красоту в собольей шубе и белоснежной шапке! Красоту, смотревшую на него. И когда он ехал в санях и закрывал глаза, то вновь и вновь видел ее – незнакомку с персидскими глазами и бровями вразлет, с резко по-восточному очерченным пухлым ртом. Видел ее пронзительный, чуть насмешливый, повелительно-царский взгляд и снисходительную улыбку хозяйки всего, что ее окружает.

В Гофинтендантской конторе их встретил бледный как смерть граф Кутайсов. Собрал в присутственной зале и сказал:

– Господа! Тот Зимний дворец, что мы знали, дом государев, отстроенный при Екатерине архитектором Растрелли, –

он в отчаянии потрясал пальцем перед собой, – где звучали шаги Ломоносова и Державина, Суворова и Кутузова, Карамзина и Жуковского, канул навсегда в Лету. Не уберегли мы его! Позор, позор! Готовьтесь к Голгофе, господа. Следствие уже началось, возглавил его сам Бенкендорф, и он, можете не сомневаться, с нас три шкуры спустит.

– Что же нам делать, Иван Павлович? – спросил Аполлон Светозаров. – Мы ведь должны как-то оправдаться? Перед его императорским величеством?

– Доставайте все планы Зимнего и ищите, где и что мы могли проглядеть, что оплот империи и дом государев огню отдали! Вот что нам делать, милостивые соратники. – Он взялся за сердце: – А можно просто взять и помереть от стыда и горя. Но лучше – искать и найти истинную причину пожара и доказать нашу невиновность! Иначе «Третье отделение» нас в порошок сотрет!

Не зря Аполлон Светозаров числился одним из лучших в своем деле чиновником, обладавшим интеллектом и смекалкой, не упускавшим ни одной мелочи. Он провел свое дотошное следствие, и вот что оказалось. У его императорского величества служил законный любимчик – талантливый архитектор и художник Огюст Монферран, выписанный еще Александром Первым из Парижа в Россию. Оказывается, это он установил по велению императора великолепную резную стену, а внести ее в списки для Гофинтендантской конторы как-то все позабыли. На нее из печной трубы и падали ис-

кры. А Зимний дворец был на три четверти построен из дерева. Только стены каменные. Даже все лестницы, не говоря о перекрытиях и пролетах, были сделаны из дерева. Вот так в мгновение ока и обрушился огонь на императорский дворец, родившись буквально из одной искры. Отчет отправили государю в Михайловское, и он был принят. Никого не повесили и не расстреляли, не сослали в Сибирь или на Соловки. Никто не был наказан – благородный император понял, что он сам на пару со своим любимчиком Монферраном и был виновен в фатальном пожаре на Дворцовой площади.

Но козел отпущения был нужен – и на эту неблагоприятную роль выбрали Гофинтендантскую контору. Ее просто расформировали. Графа Кутайсова перевели на заслуженный отдых, вернее, в Государственный Совет, увы, с напрочь разбитым сердцем. Графу оставалось жить всего три года. Но, отпуская своих чиновников, он вызвал к себе Аполлона Светозарова и сказал ему:

– Благодарен буду вам по гроб жизни, голубчик. Если бы не вы, всем бы нам не поздоровилось. Ум у вас хваткий, взгляд зоркий и годков вам еще не так много, а точнее – совсем мало. У вас большое будущее, чувствую это. Но сейчас вам надо отсидеться подале от столиц. Я выхлопотал вам должность инспектора государственных имуществ в Митаве, столице Курляндской губернии. А когда все уляжется – вернетесь в Петербург...

– Я бы хотел, Павел Иванович, поначалу в Европу съез-

дить – в Берлин и Париж, в Рим, а потом уже и за новой должностью.

– Воля ваша, Аполлон Аполлонович, поезжайте – заслужили, ей-богу! А когда решите, что проветрились – возвращайтесь в матушку-Россию продолжать путь верного царского чиновника, отечества слуги покорного, – слезы затеплились в его глазах, – стража самой могущественной империи под небесами.

3

Аполлону Светозарову хватило бы и своих денег на путешествие, но добрая тетушка, с которой он никак не мог встретиться, вновь вызвалась помочь. «И даже не спорь со мной, милый мой Аполлоша, – написала она ему. – Поезжай и ни в чем себе не отказывай. Молодость только одна – успевай побольше. За границей, может быть, мы и встретимся. Хотя я в данный момент уезжаю в Испанию, а оттуда в Африку». Ох уж эта его тетушка! И вот молодой путешественник пролетел Варшаву и Чехию, сделал остановку в землях Германии и только потом оказался во Франции.

Он решил поселиться недалеко от Лувра, чтобы иметь возможность ежедневно в течение двух недель посещать один из самых великих музеев мира, о котором столько слышал от знакомых путешественников. Именно две недели Светозаров намеревался пожить в Париже, прежде чем от-

правиться на юг Франции, а потом уже и в Италию, от которой он тоже хотел откусить кусочек.

Аполлон снял номер в дорогом отеле «Королевская Лилия». Обойти весь Лувр у русского путешественника все равно не получилось бы, но увидеть самое интересное очень хотелось. Больше всего его интриговала и тянула к себе так называемая «Египетская коллекция». Ведь именно после Наполеоновских войн и завоевания Египта во Францию буквально хлынули тысячи образцов уникального искусства великой загадочной африканской цивилизации, «мертвый язык» которой не так давно разгадал тридцатиоднолетний ученый лингвист месье Шампольон. Вот кому завидовал Аполлон Светозаров! Шампольон умер в расцвете сил всего шесть лет назад, но вписал свое имя в историю человечества золотыми буквами. Какие же боги вели его этой славной и трагической стезей? Попроситься бы к ним на прием, чтобы заметили! Да где записаться? А может быть, ушедшие в небытие боги Египта нашептывали ему ночами подсказки? Как же разыгралось воображение Аполлона Светозарова в присутствии каменных исполинов, смотревших на него со всех сторон.

Думая так, фантазируя и мечтая, он бродил по Египетским залам Лувра, между колонн и статуй. Он восхищенно разглядывал эти грозные и умиротворенные каменные лица, пришедшие из прошлых тысячелетий. Эти боги и цари как будто знали все про земную и небесную жизнь и не су-

ществовало для них никаких загадок. Этими загадками были они сами! А еще вырезанные на колоннах их письмена – иероглифы, вдруг приоткрывшие современным людям главную тайну Египта: способ общения между миром живых и миром теней. В том числе и ставшую уже одной из самых загадочных книг человечества – египетскую «Книгу мертвых».

Одна из фигур, стоявшая в тени, приковала к себе взгляд Аполлона Светозарова, а потом отчего-то и взволновала молодого человека. Аполлон осторожно и даже с легким трепетом подошел ближе. В сумраке дня, в нише, стояла и смотрела на него неизвестная богиня, лицо которой показалось ему знакомым. Будто совсем недавно он видел его, но где? Поражали величавая внешность и осанка богини и ее почти живое лицо, отчего она куда больше подошла бы к пантеону очеловеченных греческих богов, нежели египетских. И тут его как молния пронзила – кровь бросилась ему в лицо – да, это была она! Незнакомка в белой собольей шубе, что с упоением смотрела на пожар – там, в его родном Санкт-Петербурге, на Дворцовой площади.

«Какие странные бывают совпадения!» – не сводя с нее глаз, думал Аполлон. Или просто его воображение разыгралось до такой степени? И она, эта живая красота, так поразила его? А ведь это было совсем недавно, почти вчера. Но разве и прежде она не мерещилась ему, не приходила во сне? И разве там он вновь и вновь не ловил ее властный и чуть насмешливый взгляд, ее улыбку? Не пытался заговорить с ней?

А ведь пытался – пытался! Но она только загадочно улыбалась ему. Величаво и тепло одновременно. Как старому знакомому, не близкому, но коснувшемуся краешка ее жизни и запомнившемуся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.